

Л.Ф. ШИРОКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

О ЛИТЕРАТУРНЫХ БИОГРАФИЯХ АЛЕКСАНДРА ДУБЧЕКА (К 95-ЛЕТИЮ «ПОЛИТИКА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ»)

Abstract:

Shirokova L.F. *On the literary biographies of Alexander Dubcek (to the 95th anniversary of “politics with a human face”)*

The life and work of Alexander Dubcek dedicated not only to the study of historians, but also art works based on his biography. The novels by J. Banas and by L. Jurik are largely based on the personal memories of A. Dubček, what gives the possibility of more volumetric representation of him as an outstanding personality and politics “with a human face”.

Ключевые слова: Александр Дубчек, «Пражская весна», словацкая литература, роман, герой, способы повествования.

Александр Дубчек (1921–1992) — ключевая фигура словацкой политики и общественной жизни второй половины XX в., один из главных инициаторов реформаторского движения «Пражской весны» 1968 г. «Самый известный словак», «нравственный человек в политике», «символ надежды», как называли его современники, испытал на протяжении своей жизни драматические перипетии и виражи личной и политической судьбы. Не была однозначной и оценка роли Дубчека в общественно-политических процессах в Чехословакии 1950–1990-х годов. Представляется вполне логичным, что наряду с многочисленными историческими исследованиями, посвященными его деятельности, возникают и художественные произведения, основанные на материалах его биографии, чертах личности и характера. В их числе — романы Йозефа Банаша «Остановите Дубчека!» (2009) и Любоша Юрика «Год длиннее века» (2015).

Две эти книги, разные по идейному наполнению и стилистике, во многом базируются на одном «первоисточнике» — собственных мемуарах А. Дубчека «Надежда умирает последней», увидевших свет в 1993 г., уже после его безвременной кончины. Примечательна история написания этих воспоминаний. Дубчек, вернувшийся после «бархатной революции» 1989 г. на руководящие государственные посты, с трудом выкраивал время для бесед с журналистами, которые записывали его рассказы о родителях, о годах детства, проведенного в Советском Союзе, о начале его сознательной борьбы с догматиками и консерваторами за обновление общества, о надеждах и крушении «Пражской весны». Последним эпизодом в его воспоминаниях стала сцена многотысячного митинга в Праге в ноябре 1989 г., который восторженно приветствовал А. Дубчека

и В. Гавела. Последующие события остались уже за рамками повествования. После смерти политика журналист и редактор И. Гохман собрал и отредактировал записанные материалы, обращаясь за уточнениями к историкам, а также к друзьям и близким политика.

Рассказ А. Дубчека о своей личной судьбе и об исторических событиях в Словакии, в ЧССР, в Европе, начиная с 1920-х годов — это, в первую очередь, мемуары политика. Поэтому именно политические процессы, противоборства, интриги находятся в центре интересов автора; даже представленные в книге эпизоды частной жизни Дубчека тесно связаны с определяющей фабулой его идейного становления. И если в начале, когда он говорит об истории семьи, «частное» преобладает в повествовании, то затем на первый план выступают его размышления, наблюдения, воспоминания о партийной борьбе, пленумах и съездах, о политических противниках и соратниках. Однако и здесь ясно звучит авторский голос, высказывающий личное, выстраданное отношение к описываемым событиям и фактам.

Воспоминания Дубчека — это история испытаний, борьбы и разочарований — в первую очередь, в унаследованной от родителей, интернационалистов и энтузиастов, «чистой и полной вере в коммунизм», представлявшийся ему самому в годы юности вполне достижимым идеалом свободы и справедливости. «Ради более счастливой жизни человечества, — пишет он, — я был готов отдать свой разум, сердце и всю свою душу»¹. В книге этапы идейного прозрения, кристаллизации идеи «социализма с человеческим лицом» и трагического краха реформаторских усилий в ЧССР после 1968 г. прослеживаются на фоне событий жизни Дубчека. В свободной форме устного рассказа описывает автор свое детство и юность в Советском Союзе, возвращение в Чехословакию накануне войны и участие в Словацком национальном восстании, а затем партийную работу на разных руководящих уровнях, начиная с 1953 г. Значительное место в повествовании занимает время учебы Дубчека в Высшей партийной школе (ВППШ) в Москве, совпавшее с началом «оттепели», и особенно — подготовка, расцвет и крушение «Пражской весны». Со сдержанным драматизмом описываются гонения на самого автора в период «нормализации» (1970–1980-е годы), а в финале книги — первые дни «бархатной революции» и его новые надежды и планы, на осуществление которых оставалось совсем немного времени.

Во всем, о чем рассказывает Дубчек в своих воспоминаниях, явственно или опосредованно присутствует нравственный аспект, оценка явления, ситуации, характера того или иного человека с точки зрения справедливости и гуманизма. Так, он описывает свои ощущения «ужаса», «шока», пережитых еще в ранней юности в советских городах Пишпеке

и Горьком* при первых столкновениях с фактами сталинских репрессий в СССР, а затем и в Чехословакии в 1950-е годы. Реабилитацию в 1963 г. жертв политических процессов, в которой Дубчек принимал самое деятельное участие как член специальных партийных комиссий, он по праву считал своей личной моральной победой. Дальнейшие действия Дубчека, его политическая карьера вплоть до августа 1968 г. представлены в его книге как продуманная систематическая работа по устранению деформаций, недемократических, силовых методов в руководстве компартии, по выходу на путь свободного развития общества и человека. Подробно и живо описывает Дубчек проделанные им ходы своего рода шахматной партии, которая привела к концу 1967 г. к перевесу реформаторских сил в руководстве КПЧ и к его политической победе над тогдашним руководителем КПЧ А. Новотным. Эта схватка проиллюстрирована в книге и в символической сцене охоты Дубчека на матерого медведя, шкура которого потом лежала у него дома. «Новотному не удалось заполучить мою шкуру, как я заполучил медвежью, — с иронией пишет он. — <...> Я знал, что время работает на реформы»².

Четко и обоснованно, хотя и с долей личной пристрастности, говорит Дубчек о своем отношении к конкретным людям, прежде всего, к политикам в зависимости от их человеческих и нравственных качеств. Критически отзываясь он о старом партийном руководстве — А. Новотном, В. Широком, К. Бацилеке; негативные характеристики в разные периоды деятельности дает Г. Гусаку, с негодованием пишет о Л. И. Брежневе и его приближенных в главах о событиях августа 1968 г. И в то же время — с симпатией вспоминает Н. С. Хрущева, его разоблачения сталинизма, поддержку реабилитации в Чехословакии, его «информированность о положении в Словакии», «улыбчивость и сердечность»³.

Центральными — и композиционно, и по своему значению — становятся в книге события «Пражской весны». Дубчек рассказывает о своих стратегических и тактических действиях по созданию «штаба реформаторов», о выработке и принятии в апреле 1968 г. «Программы действий», предусматривающей демократизацию партии и общества, реформирование экономики, федерализацию государства и др. Огромных усилий по политическому маневрированию требовало от него и противодействие со стороны консерваторов, как внутренних, так и внешних. Дубчек подробно пишет о нарастающем и все более жестком давлении на себя и свою команду со стороны советского руководства и руководителей компартий стран социалистического лагеря.

---

* Город Пишпек, с 1926 г. — Фрунзе, с 1991 г. — Бишкек, ныне столица Киргизии. Горький — название города Нижний Новгород в период с 1932 по 1990 год.

Событиям, последовавшим за вводом 21 августа 1968 г. в Чехословакию войск пяти стран-участниц Варшавского договора посвящены главы с красноречивыми названиями «Вторжение и похищение», «В Кремле», «Московский диктат». Примечательно, что большую часть повествования занимают размышления Дубчека о политическом безрассудстве этого шага, о вероломстве, о нарушении норм морали, а также о своих личных переживаниях, то есть — о нравственной стороне произошедшего. Скупое, немногословное, хотя и эмоциональное описание самих действий и поступков послужило затем фабулой для последующих, беллетризованных биографий А. Дубчека.

Поводом для написания книги «Остановите Дубчека!»⁴ ее автор Й. Банаш (род. 1948) назвал незнание молодыми словаками своих национальных героев. «Я верю, — пишет он, — что она поможет им не забывать человека, который принес нам надежду»⁵. Повествование в событийном плане основано на воспоминаниях А. Дубчека «Надежда умирает последней», однако в конце своего политического романа Й. Банаш, подчеркивая его документальную достоверность, приводит большой список использованной при его создании литературы. В числе таких источников — и воспоминания В. Биляка, идеологического противника А. Дубчека, и эссе писателя и публициста В. Минача «Возвраты к переворотам», и научные сборники, посвященные А. Дубчеку и социально-политической проблематике Чехословакии второй половины XX в.

Автор использует в романе свой излюбленный композиционный прием — документальные или, скорее, стилизованные под документальность вставки, выделенные в тексте курсивом и дающие информацию о ходе политических процессов, о выступлениях исторических деятелей и т.д. Так, например, описывается одно из знаковых событий кануна «Пражской весны»: *«С двадцать седьмого по двадцать восьмое июня 1967 г. в Праге проходил IV съезд Союза чехословацких писателей, который знаменовал собой невиданный дотоле диалог государственной власти с культурой и существенно ускорил подготовку процессов обновления в 1968 г.»*⁶.

Наряду с такого рода элементами, подчеркивающими историческую достоверность повествования, в романе Й. Банаша весьма много и художественного вымысла, реконструкций и предположений. Дубчек выступает здесь как литературный герой с внутренними монологами, авторскими допущениями при воссоздании его внутреннего мира, сценами и диалогами не только с реально существовавшими лицами, но и с многочисленными вымышленными персонажами. Так, в романе фигурирует некий Кулифай, своего рода «тень» Дубчека, сопровождающий его, начиная с эпизодов их детства в Киргизии, затем в моменты их встреч по разные стороны баррикад во время Словацкого национального вос-

стания и, наконец, — в период гонений на Дубчека при «нормализации». В заключительной главе, перед смертью Дубчека, Кулифай раскаивается в своих неблагоприятных поступках, просит у него прощения и получает его. Эта символическая фигура «маленького человека», пылинки в исторических бурях, призвана показать более рельефно не только цельный характер главного героя, но и атмосферу времени.

В книге охвачены события с 1912 г., когда будущие родители Дубчека вместе с тысячами других словаков эмигрировали в Америку, и до похорон Дубчека в ноябре 1992 г. Повествование в романе Банаша развивается в хронологической последовательности; композиционно оно разбито на главки с названиями, говорящими о содержании той или иной сцены или эпизода из жизни героя. Главки же, в свою очередь, объединены в три части, по наполнению которых можно судить о том, какое значение придает автор отдельным этапам личной и политической биографии своего героя. Так, часть I включает в себя события, начиная с эмиграции родителей Дубчека в Америку на заработки и до момента, когда повзрослевший герой в 1955 г. собирается ехать на партийную учебу в Москву. Часть II охватывает период с хрущевской «оттепели» и назначения Дубчека на высокий партийный пост краевого секретаря компартии — до разгрома «Пражской весны» и переговоров в Москве с советским руководством в августе 1968 г. В части III автор повествует о периоде драматических испытаний, выпавших на долю опального политика в годы «нормализации», и заканчивает роман возвращением своего героя на короткое время в политику и его безвременной кончиной.

Й. Банаш, автор нескольких книг в жанре политического романа, и в этом своем произведении вновь делает упор на событийной стороне биографии героя, на динамично выстроенной фабуле — в большей мере, чем на остроте его столкновений с идейными антагонистами. Так, если в мемуарах Дубчека победа над консерваторами представлена как результат точно просчитанной тактической комбинации, то у Банаша показан лишь ее итог: «На пленуме ЦК КПЧ выступил секретарь ЦК Коуцкий с предложением разделить функции первого секретаря ЦК КПЧ и президента республики. Новотный был крайне удивлен, когда это предложение поддержал и его давний друг Гендрих; он не знал, что с Гендрихом накануне долго беседовал Дубчек»⁷.

В главе о периоде учебы Дубчека в Москве акцент у Банаша также переместился на внешнюю сторону описываемой реальности: автор подробно (а порой и прибегая к гиперболизации) повествует о низком материальном и культурном уровне жизни в СССР в середине 1950-х гг. — в отличие от самого Дубчека, который упоминает об этом лишь вскользь, а в основном говорит о догматических методах обучения в ВПШ, о поис-

ке других точек зрения, о своих впечатлениях от XX съезда КПСС и речи Хрущева. Тем самым в романе за счет внешнего негатива явно снижается внутренний драматизм идейных исканий героя.

Банаш уделяет большее, чем в воспоминаниях Дубчека, внимание и сценам, в которых описываются арест и интернирование руководства КПЧ в Москву в августе 1968 г., напряженный ход переговоров лидеров «Пражской весны» с членами Политбюро КПСС, часто дословно повторяя отдельные фразы из его мемуаров. Например, Дубчек так описывает свое состояние растерянности в ночь на 21 августа 1968 г.: «Я невольно поглядывал на телефоны на своем рабочем столе, словно ожидая — вдруг кто-нибудь позвонит и скажет, что все это лишь большое недоразумение»⁸. А так, уже от 3-го лица, показывает эту сцену Банаш: «Он смотрел на телефон на столе и ждал, когда тот зазвонит, и кто-то объяснит ему, что речь идет лишь о большом недоразумении»⁹.

В одной из последних глав под названием «Загадка 88-го километра» Банаш детально описывает историю трагической автомобильной аварии, в которой Дубчек получил тяжелые травмы, приведшие вскоре к его смерти. Ключевым моментом, указывающим на возможные причины этой трагедии, представлена здесь пропажа важной улики: «Чемоданчик, в котором Дубчек вез секретные документы и приглашение в Москву на заседание Конституционного суда, лежал на траве. Позднее следователи забрали чемоданчик — и с тех пор его никто не видел»¹⁰.

С загадки черного чемоданчика начинается еще одна книга, посвященная А. Дубчеку, — роман Л. Юрика «Год длиннее века» (2015)¹¹, который повествует о последних днях жизни политика, проведенных им на больничной койке. Написанный от первого лица, роман представляет собой длинный внутренний монолог героя, в котором фрагменты воспоминаний о прожитой жизни чередуются с рефлексией, попытками осмыслить, оправдать или осудить собственные поступки. Автор так передает состояние своего героя, а заодно и обозначает принципы построения сюжета романа: «Я то приходил в себя, то задремывал, то проваливался в забытие, а потом снова ощущал собственное тело и воспринимал все окружающее, понимал, что лежу в больнице после аварии, но тут же поток мыслей и образов уносил меня куда-то в прошлое».

Л. Юрика, как и самого Дубчека в его мемуарах, интересуют, прежде всего, нравственные аспекты событий прошлого и настоящего, необходимость восстановить историческую и человеческую справедливость, детективная же завязка отходит на второй план.

«Где мой чемоданчик? — спросил я. — Маленький черный чемоданчик. — Главврач посмотрел на меня непонимающе. — У меня там были документы, — сказал я. — Важные документы...». Л. Юрик устами своего

героя более подробно рассказывает о предполагаемом содержимом таинственного чемоданчика, о бумагах, с которыми политик собирался ехать в Москву на заседание Конституционного суда, а после возвращения — решать вопрос о судьбе единого государства чехов и словаков: «Меня пригласили, чтобы я дал показания по делу о запрете деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Кроме того, я хотел получить оригинал письма, послужившего одним из поводов для оккупации Чехословакии. <...> Еще у меня лежала там почти готовая речь, в которой я призывал депутатов Федерального собрания не допустить распада Чехословакии».

Л. Юрик затронул в своем романе еще одну важную проблему — проблему исторической памяти, забвения или почитания национальных героев как показателя нравственной зрелости и общества, и конкретного человека. Эта проблема (упомянутая и в книге Й. Банаша) преломляется, в частности, в аспекте поколенческого спора, неприятия или, точнее, непонимания молодыми людьми ценностей поколения отцов. Тяжело раненный Дубчек слышит разговор пожилого главврача и молодой медсестры: «Кто этот человек, господин главный врач? — промолвила вдруг сестричка, и в ее голосе я уловил нечто для себя неприятное. — Вы ни об одном пациенте так не заботитесь, как об этом. Он что, важнее других?» — Главврач с минуту молчал. «Сестра, вы не знаете, кто такой Александр Дубчек? — спросил он, и в его голосе я уже услышал не только упрек, но и скрытое неодобрение, почти возмущение». — «Что, какая-то шишка?» — Пауза была долгой. «Это легенда, — сказал главврач тихо. — Символ “Пражской весны”. Самый знаменитый словак! Надо бы вам это знать... Стыдитесь!».

Собеседником, а часто и оппонентом Дубчека выступает в романе именно этот персонаж — главный врач больницы, чья судьба была искалечена событиями августа 1968 г. и времен «нормализации», когда ему, восторженному стороннику «Пражской весны», пришлось ради выживания пойти на сделку с собственной совестью. Так, предметом их острого спора стала отставка Дубчека с поста руководителя КПЧ: «Вы знали, что этим кончится? — спросил главврач, и в его голосе вновь зазвучал характерный для него сарказм, — Знали и вели себя так, будто собирались остаться еще на пару лет... Разве это не было наивно? — Не говорите мне о наивности, — ответил я раздраженно. — Хотя вы правы, я надеялся... вывести страну из кризиса. Ведь нас все еще многие поддерживали».

Герою романа Л. Юрика при всей его принципиальности свойственны и сомнения, и ощущение личной ответственности за события: «Действительно, мне приписывали эти качества. Мечтатель, визионер, наивный политик... Я втянул в свои мечты миллионы людей. Сколько их потом было выброшено на задворки общества? Сколько судеб оказалось сломано?».

Дискуссии такого рода представляют собой, разумеется, авторское допущение — реальное состояние здоровья А. Дубчека вряд ли позволяло их вести; тем не менее, эти художественные приемы расширяют возможности характеристики героя. В целом же, сопоставление его образа в трактовках романов Й. Банаши и Л. Юрика с автобиографическим героем книги «Надежда умирает последней» дает читателю возможность более объемно представить себе А. Дубчека не только как выдающуюся личность, но и как политика «с человеческим лицом», во многом опередившего свое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dubček A. Nádej zomiera posledná.* New-York–Tokio, 1993. S. 66.

² *Ibid.* S. 122.

³ *Ibid.* S. 81.

⁴ В названии книги автор использовал реальные или вымышленные цитаты из критических выступлений в адрес А. Дубчека высших партийных деятелей соцстран — В. Ульбрихта, Л.И. Брежнева и др.

⁵ *Banáš J. Zastavte Dubčeka!* Bratislava, 2009. S. 10.

⁶ *Ibid.* S. 139.

⁷ *Ibid.* S. 142.

⁸ *Dubček A. Nádej zomiera posledná...* S. 195.

⁹ *Banáš J. Zastavte Dubčeka!...* S. 204.

¹⁰ *Ibid.* S. 348.

¹¹ Книжному изданию предшествовала публикация романа в электронном виде на сайте газеты «Нове слово» («Rok dlhší ako storočie. Posledné dni Alexandra Dubčeka»): http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubcka_10. Цитаты приводятся по электронному изданию.